

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-2-11

УДК 271.2:2-555(470.2)

**ТАИНСТВО БРАКА:
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные проблемы совершения таинства брака. Выявлено, что законодательство по брачным вопросам в рассматриваемый период приобрело значительные объемы, приводя к всесторонней регламентации венчания и предшествующих ему мероприятий. Разработанный в законодательстве порядок совершения венчания требовал от приходского духовенства и мирян активного и продуктивного взаимодействия, нацеленного на выявление разнообразных препятствий к заключению брака. С совершением венчания связан ряд крайне негативных ситуаций, обусловленных теми или иными формами принуждения к браку. Тем не менее, таинство брака оставалось самым значимым и востребованным элементом жизненного цикла православных крестьян.

Ключевые слова: Православие, Христианство, верующие, таинства, брак, духовенство, обычаи, традиции, прихожане, венчание.

**THE SACRAMENT OF MARRIAGE: PROBLEMS OF
IMPLEMENTATION IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article deals with the main problems of the implementation of the marriage sacrament. It was revealed that the legislation on marriage issues in the period under review acquired significant volumes, leading to a comprehensive regulation of the wedding ceremony and the events preceding it. The procedure for the marriage implementation, developed in the legislation, required active and productive interaction from the parish clergy and laity, aimed at identifying obstacles to

matrimonial. A number of extremely negative situations are associated with the marriage implementation, caused by certain forms of coercion into matrimonial. Nevertheless, the sacrament of marriage remained the most significant and demanded element in the life cycle of Orthodox peasants.

Keywords: Orthodoxy, Christianity, believers, sacraments, marriage, clergy, customs, traditions, parishioners, wedding.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

В числе значимых церковных таинств, составлявших религиозное оформление жизненных циклов православного человека в России, если судить по объему делопроизводственных материалов, значимое место отводилось венчанию. Особая актуальность темы неоднократно привлекала внимание исследователей как региональных особенностей жизни Церкви, так и историков церковного права [3, с. 60-67; 4, с. 48-63]. Заложенный в XVIII в. устойчивый порядок предшествующих браку настоятельно необходимых мероприятий и собственно совершение венчания, сохраняясь на протяжении длительного времени, стал существенным дополнением норм обычного права в семейной сфере и еще одним способом упорядочения традиционного церковного обихода, постепенно принятым духовенством и мирянами в северных деревнях. *Задача данной статьи состоит в выявлении основных тенденций в практическом осуществлении норм законов о браке, исходя из материалов текущего делопроизводства Олонецкой духовной консистории и документов канцелярии Святейшего Синода.*

Проблема совершения таинства брака оставила заметный след в российском законодательстве. Основной тенденцией развития юридических

норм в данном вопросе стало нарастающее влияние государства в брачной сфере, прежде целиком относившейся к исключительному ведению Церкви. С начала XVIII в. «русское брачное право, находившееся до сих пор в ведении Церкви, делается предметом и гражданского законодательства» [23, с. 85]. Многочисленные правовые нормы ставили священника в непростое положение, вынуждая обзаводиться обширным и разнообразным делопроизводством, связанным, в том числе, и с законным, со всеми формальностями и тщательными предварительными проверками, совершением таинства брака. Н. Климов полагает, что «светское правительство в рассматриваемый период (XVIII в. – М.П.) было слишком озабочено увеличением в империи народонаселения» и стремилось облегчить заключение браков [15, с. 51]. Реальные проявления заботы о демографическом благополучии страны приобрели разнообразный и в некоторой мере противоречивый характер.

С одной стороны, в 1765 г. был издан именной указ, которым отменялся денежный сбор за венечные памяти [44, с. 189]. Поскольку одновременно вводилась фиксированная плата за требы [43, с. 117], то, по крайней мере, на бумаге, заключение брака облегчалось. С другой стороны, указ 1765 г. содержал предписания и о мероприятиях, которые заметно усложняли процедуру заключения брака. За неделю до свадьбы жених и невеста обязывались заявить о своем намерении священнику. Начинался «брачный обыск», в ходе которого священник путем расспросов прихожан выяснял: нет ли родства между вступающими в брак, достигли ли они «правильных» лет, и нет ли иных препятствий к браку. Если причин для отказа не имелось, священник венчал молодых и делал соответствующие записи в метрических книгах [44, с. 189; 10, с. 194]. Возникли, как пишет Н. Климов, «многочисленные злоупотребления» [15, с. 52]. Священники, иногда небескорыстно, венчали незаконные браки. Впоследствии они расторгались, а успевшие родиться дети признавались незаконнорожденными. Желая положить конец «расстройствам», Синод в 1775 г. издал указ, в котором предусматривался ряд мер против незаконных браков. Лица всех званий и

сословий обязывались венчаться только в приходской церкви жениха или невесты. За нарушение требований указа священников лишали сана [46, с. 196-198]. Тогда же упорядочивалось ведение метрических книг [46, с. 196], священники теряли право выдавать «разводные письма» [45, с. 171.], запрещалось венчание в часовнях [48, с. 969].

Законодательством определялся комплекс мер, которые надлежало принимать перед венчанием. Контроль над исполнением предписаний оставался не регламентированным и потому разнообразным. Известны случаи, когда за точным соблюдением брачного законодательства надзидало церковное начальство. В 1796 г. благочинный, как видно из его рапорта в Петрозаводское духовное правление, просматривая метрические книги Ладвинского прихода, обнаружил, что местный священник обвенчал тринадцатилетнего «крестьянского сына» Ефима с девушкой, которая была на три года его старше. Духовное правление распорядилось отправить молодых к родителям, прекратив общение между ними, и незамедлительно выяснить по ревизским сказкам возраст жениха и невесты. Следствие подтвердило правильность данных, изложенных в рапорте. Сама молодая жена, как видно из указа духовного правления, заявила, что «тот крестьянский сын Ефим Иванов к сожитию за малолетством с нею ненадежен, и жительства с ним иметь она не желает». Брак был расторгнут [34, л. 2; 42, л. 3].

В некоторых случаях о незаконном венчании сообщали те священнослужители, чьи материальные интересы оказались затронуты явным образом. Разумеется, клирики беспокоились только тогда, когда крестьяне их прихода венчались у «чужого» священника. В 1791 г. в Олонецкую духовную консисторию поступило прошение от дьякона Устьмошского прихода Николая Лебедева, который жаловался на священника Кенозерского прихода, обвенчавшего устьмошских прихожан, да еще и допустившего женитьбу тринадцатилетнего парня на двадцатилетней девице. Как видно из указа консистории, священника-нарушителя лишили должности, а незаконный брак – расторгли [30, л. 33-45].

Самым элементарным проявлением участия прихожан в венчании стало составление документов, связанных с «брачным обыском». В 1789 г. Олонецкая духовная консистория, как видно из указа, распорядилась «поступить по законам» с крестьянами Лоянского прихода, которые подписались под «брачным обыском», содержащим ложные сведения. Как видно из документов дела, молодые были обвенчаны только потому, что прихожане при расспросах их священником не нашли никаких оснований для отказа в совершении таинства брака [41, л. 7]. Есть и другие аналогичные дела. Из них видно, что «брачный обыск», подписанный прихожанами, стал главным документом, подтверждающим возможность заключения брака. Документы, составленные местными жителями, использовались и в качестве свидетельства о том, что венчание действительно имело место в более или менее далеком прошлом. В протесте Олонецкой духовной консистории указывалось, что крестьянин Туксинской волости, будучи обвинен в незаконном сожителстве, предъявил в качестве доказательства «в том, что подлинно венчан, от бывших при том свидетелей за их рукоприкладством письмо» [26, л. 3].

Известны случаи, когда прихожане доносили о безбрачном сожителстве своих односельчан. В 1796 г. крестьяне Кондопожской волости сообщили консистории о своем односельчанине, который, «несмотря на закон и заповедь Божию», женился, обманув священника, на другой женщине при жизни первой супруги. Епископ распорядился развести двоеженца со второй женой, «чтобы впредь ему с нею не совокупляться», и вернуть его к первой законной супруге. Но и после столь определенного решения, указывали в доношении прихожане, их односельчанин продолжал жить с новой женой. Из дела неясно, какие меры были приняты. Сам факт такого внимания прихожан к подробностям личной жизни друг друга примечателен. Крестьяне, как говорилось в составленном ими документе, опасались, что «от такого их незаконного блудодеяния» сами могут «понести какое-нибудь напрасное изнурение и проволочку» [5, л. 2]. Но столь же существенно и другое, уклад приходской жизни в значительной степени

основывался на взаимном контроле, перед которым неизменно оказывались равны и священник, и прихожанин.

Отношение олонечких крестьян к таинству брака прослеживается по ряду источников. Старообрядцы даниловского толка, принимавшие церковный брак, на краткий период прибегали к объявлению себя православными. Такие внезапные обращения вызывали недовольство клира, поскольку сразу после венца приверженность новообращенных к официальному Православию заканчивалась. О бытовании данного явления в Олонецкой епархии свидетельствуют как данные консисторского архива, так и произведения, вышедшие из-под пера старообрядческих авторов. Например, в 1777 г. «собор Выгорецких общежителей», как видно из текста постановления, предписывал своим сторонникам-старообрядцам или «жить в девстве и соблюдать между собою чистоту телесную», или венчаться в церкви. В отношении нарушителей предусматривались решительные меры. Собор предписывал «всем своего согласия жителем от них в ядении и молитве отлучаться» [24, л. 30].

О том, как такие венчания происходили в действительности, можно судить по промемории Олонецкой духовной консистории, которая в 1778 г. получила от священника Захария Ануфриева рапорт, в котором последний уличал своего прихожанина в незаконном сожительстве. Прихожанина вызвали в Паданскую нижнюю расправу и допросили. Во время следствия он, как видно из промемории расправы, указал, что «поговоря любовно и по согласию общему», он сосватал за себя Марфу Иванову, с которой и отправился в церковь, но не в ту, при которой служил Захарий Ануфриев, и, «дав обращение от раскола в правоверие», обвенчался. В доказательство крестьянин предъявлял «письмо» от священника. Конфликт был исчерпан [27, л. 1].

В XIX в. наблюдались аналогичные случаи. Олонецкий уездный суд в 1839 г. рассматривал дело о внезапном переходе в «раскол» одной из местных прихожанок. На допросе в суде она пояснила, что «была действительно окрещена в веру старообрядческую с воли родителей <...>, в церковь же ходила и у причастия бывала в девстве для того единственно, чтобы выйти в

замужество и обвенчаться». После совершения всех необходимых обрядов она вместе с супругом задумалась о возвращении в число староверов и вскоре осуществила свое намерение [6, л. 2].

Шло время, но ситуация оставалась прежней. Устав духовных консисторий предписывал священникам внимательно следить за возрастом вступающих в брак, наличии между ними родства и прочих обстоятельствах, препятствующих венчанию. Нарушители наказывались временной отправкой в монастырь [49, с. 40]. Особые законы посвящены венчанию старообрядцев. В 1832 г. появился синодальный указ, предписывающий «оставлять в силе» браки старообрядцев, венчавшихся в Православной Церкви. Как говорилось в документе, «упорство повенчанных, по совершении над ними таинства, оставаться в прежнем своем заблуждении, как дело собственной каждого совести, не препятствует совершенному таинству быть действительным» [47, с. 599]. В то же время в синодальных постановлениях середины XIX в. подчеркивалось, что «государственный закон не признает раскольников в качестве отдельного вероисповедания», а видит в них мирян, «впадших в заблуждение». На староверов распространялись «церковные правила о епитимиях за грехи любодеяния, прелюбодеяния и кровосмешения» [19, с. 684]. На рубеже XIX-XX вв. желание старообрядцев совершать обряд венчания по правилам, принятым в официальной Церкви, не исчезло, а лишь приобрело иные черты. Судя по описанию нравов каргопольских старообрядцев, многие из них на венчание в церкви своих дочерей «никогда не решаются сами». Они «изъявляют согласие» в то время, когда сами дочери обращаются к местному приходскому духовенству [14, с. 93].

Изредка источники фиксируют полный отказ от венчания. Судя по рапорту повенецкого земского исправника, нарушения устоявшихся норм заключения брака составляет «главнейший порок черного народа и в особенности раскольников». Порок «состоит в прелюбодеянии» и «доказывается тем, что многие из них проводят всю жизнь свою, не быв женаты, имея однако ж у себя в домах так называемых стряпух или

подворниц». После смерти они «оставляют с ними прижитых детей, не признав их своими кровными». Причина такого положения, по мнению полицейского, состоит в особенностях вероисповедания: «они страшатся через брачные узы сопричислену быть к православным по случаю совершения над ними таковых браков; по закоренелости же своей в расколе они не желают отстать от оного» [22, л. 478]. К началу XX в. полный отказ от венчания рассматривался как исключение и шокировал современников. В 1911 г. крестьянин Петр Серков благословил сына на «незаконное сожитие» и повесил на стене своего дома бумагу с надписью: «Считать моего сына повенчанным с такой-то (далее имя невесты)» [16, с. 10].

Тем не менее, отдельные старообрядческие толки активно практиковали именно такой способ решения семейных проблем. Судя по миссионерскому отчету за 1900 г., представители аристовского толка в старообрядчестве чаще всего вступали в так называемый «сводный брак», не прибегая к услугам священника. Они ограничивались «только заявлением в волостном правлении о своем своевольном, якобы брачном, сожитии». О рождении детей «от таких свободных сопряжений» они ограничивались «заявлением также в волостном правлении». Миссионер отмечал прочность таких браков: «несмотря на возможность и легкость при подобного рода брачных сочетаниях, примеров оставления мужчиною или женщиною своего сожителя или сожительницы, не было и не слышно о сем» [33, л. 8]. Среди старообрядческих наставников, судя по отчету миссионера за 1900 г., наблюдалась определенная свобода нравов. Один из старообрядческих лидеров, Акила Шевелев, «уважением не пользуется и среди раскольников, потому что после третьей жены живет не с первой уже наложницей. От последней имеет детей» [33, л. 49].

Вольные старообрядческие нравы стали исключением на общем фоне. В течение изучаемого периода наблюдался постепенный рост значимости венчания в глазах крестьян. Прежнее формальное отношение к венчанию, допускавшее возможность более или менее длительного временного разрыва «между свадьбой и фактическим началом супружеской жизни, с одной

стороны, и церковным освящением брака – с другой», все более вытеснялось представлением о венчании как обязательном условии для вступления брака в силу [38, с. 264]. В XIX в. рождение внебрачного ребенка рассматривалось карелами как «отступление от одобренного традицией жизненного сценария», которое «обязывало женщину всю последующую жизнь раскаиваться в содеянном» [13, с. 40]. Эта тенденция находила поддержку в требованиях закона. В XIX – начале XX в. законодательство поддерживало устоявшиеся правила заключения брака. Выработался порядок, согласно которому при вступлении на должность каждый священник клялся «не венчать сомнительных, не достигших совершеннолетия, равно состоящих в родстве в шести степенях» [7, л. 6].

Как показывают материалы делопроизводства, за венчание браков «с иноприходными лицами без должных свидетельств от местных причтов», провинившиеся священники наказывались штрафом [35, л. 3]. Желающий вступить в брак обязывался «уведомить священника своего прихода, письменно или словесно, об имени своем, прозвании, и чине или состоянии, равно как об имени, прозвании и состоянии невесты» [12, с. 247]. В ближайшие воскресные и праздничные дни в церквях производилось «оглашение», составлялся «обыск по правилам, от духовного начальства предписанным». Свидетели, «при совершении брака находящиеся», обязывались удостоверить, что «между сочетающимися родства, принуждения и никаких других препятствий к браку не имеется». Всем присутствующим при оглашении, имеющим сведения о препятствиях к браку, согласно законам, следовало «дать знать о том священнику на письме или на словах немедленно» [12, с. 247]. Нарушителей закона сурово карало «гражданское правительство». Именно к нему, судя по указу духовной консистории, следовало отослать крестьян, «заявивших ложно о правильности лет жениха» и обманувших священника перед заключением брака [40, л. 29].

Государство контролировало совершение браков совместно с приходским духовенством. В ведении светского суда находились дела о «насильственном

обвенчании, о восхищении к браку», а также дела, связанные с попытками детей обвенчаться без разрешения родителей, о кровосмешении, многобрачии и «все вообще дела о подлогах и обманах, совершенных при заключении брачного союза» [1, с. 179]. Запрещалось венчание без родительского благословения. Лица, состоявшие на службе, не могли вступать в брак без письменного «дозволения» от начальника [10, с. 61]. Исключением стали совершеннолетние дочери «раскольников», которых разрешалось венчать «с православными лицами» без согласия родителей [18, с. 314]. Но родителям запрещалось «понуждать» детей к вступлению в брак [10, с. 62]. Совершение браков позволялось «не во все дни года»: венчать запрещалось в посты, храмовые праздники, «навечерия праздников», «в среду и пяток» [10, с. 73]. В то же время проблемы в совершении таинства брака сохранялись. Как показывают современные исследования, в начале XIX в. «единообразия среди русских священников в установлении родства, препятствующего браку, не было» [17, с. 273].

Признание староверами необходимости венчания – веское доказательство того, что это таинство, в отличие от исповеди, воспринималось олонецкими крестьянами важнейшим и необходимым. Но имеются и другого рода доказательства значимости венчания. Священник, согласно законодательству конца XVIII – начала XX вв., настаивал на том, чтобы прихожане венчались только в своем приходе. При отсутствии конкуренции возникала почва для злоупотреблений. Крестьянин не мог обратиться к другому священнику в том случае, если притязания «своего» батюшки казались непомерными. Имеющиеся дела свидетельствуют о том, что крестьяне предпочитали вносить требуемую сумму, но не сожительство без венчания. Плата в разных местах России оставалась значительной. В XVIII – начале XX в. венчание оставалось «самой дорогой требой, доставлявшей много хлопот и неприятных треволений как священнику, так и брачащимся с родней» [2, с. 215].

Материалы делопроизводства Олонецкой консистории подтверждают вывод, сделанный современными специалистами. В 1798 г. крестьяне

Нигижемского прихода Пудожского уезда указывали в прошении, что в их приходе клирики, «особливо приневоливая при венчании браков, с превеликою наглостию притесняя, принуждают платить им по десяти и по двенадцати, а самых неимущих по пяти рублей» [32, л. 2]. Священник Матфеев из Видлицкого прихода за венчание каждого брака требовал «вина полкружки, да денег полторы рубли, да рубаху одному себе» [31, л. 15]. В некоторых случаях, на протяжении всего изучаемого периода, именно вступление в брак и совершение обряда венчания являлось тем единственным моментом, когда священник мог добиться от прихожанина выплаты всех долгов, возникших из-за длительной неуплаты причитающейся духовенству руги. О бытовании такого явления в общероссийском масштабе свидетельствует известный церковный историк Д.И. Ростиславов. Он полагал, что повсюду «особенные прижимки бывают при свадьбах: тут крестьянину приходится уплатить все старые долги» [36, с. 348], возникшие за многие годы.

Отчасти уступчивость прихожан в вопросах оплаты объясняется суровыми карами за сожительство без венчания. Как видно из указа Олонецкой духовной консистории архимандриту Александро-Свирского монастыря Варлааму, в 1785 г. из Петрозаводского уезда в монастырь сослали мещанина Елиазара Петрова, обвиненного в прелюбодеянии. Уличенный в распутном поведении мещанин должен был находиться в монастыре пять лет. В течение всего времени пребывания в святой обители ему надлежало исповедоваться во все посты духовному отцу. При исповеди «отец ево духовной должен о важности ево греха внушать своим увещанием и приклонять к чистосердечному раскаянию». Сверх того, Елиазару Петрову предписывалось «в праздничные и воскресные дни при собрании всего народа в паперти церковной полагать по пятидесяти поклонов». На скромное пропитание, как видно из того же указа, Елиазару Петрову из средств Олонецкого казначейства выделялись деньги – по две копейки в день [39, л. 15].

В XIX в. ситуация изменилась. Священники Олонецкой епархии заботились о точном исполнении таинства брака, занимаясь проповеднической

деятельностью. Они, регулярно посещая крестьянские семьи, наставляли прихожан, подробно и терпеливо объясняя «обязанности членов семьи друг к другу» [20, л. 147].

Епитимии за блудодеяние накладывали и на женщин. Приходское духовенство внимательно следило за соблюдением всех условий церковного наказания, сообщая духовному и светскому начальству (консистории и уголовному суду) обо всех нарушениях предписаний. В 1850 г. Олонецкий земский суд рассмотрел дело об отклонении от исполнения семилетней епитимии, наложенной на крестьянку И. Матвееву. Для вразумления преступницы к ней в дом явился волостной «голова», который потребовал регулярного посещения приходского священника для точного исполнения церковного наказания. Но в ответ она заявила, что «голова» «не должен понуждать ее к исполнению епитимии, и она совсем не хочет ходить для исполнения епитимии к священнику Петру Иоаннову, а отослали бы ее в Успенский монастырь». В наказание за такой проступок и дерзкие высказывания виновная некоторое время находилась под арестом [29, л. 27]. В 1871 г. Олонецкая духовная консистория рассмотрела дело о блудодеянии крестьянки А. Моисеевой. За рождение ребенка вне брака ей отказали в причастии, четыре раза в год предписали исповедоваться [9, л. 2].

Всевозможные наказания за отклонения от одобряемых Церковью норм служили веским дополнением к духовно-просветительским беседам. Между тем о значимости венчания свидетельствует еще одна группа дел, объединенных общим названием «невольное обвенчание». Если церковный брак не играл для крестьян важной роли, то становилось бессмысленным и принуждение к нему. Наличие таких дел свидетельствует об обратном. В 1777 г., как видно из «экстракта, учиненного в Олонецкой духовной консистории» на основании показаний «крестьянской женки» Мавры Алексеевой, брат, заставший ее «с тем крестьянином Карповым спящих в доме у нее ж, Алексеевой, вместе в одной постели и в блудодействе», схватил незадачливого любовника и отправился с ним и сестрой в церковь. Клирики удивлялись

необычному виду потрепанного в драке жениха и спрашивали: «Почему у Карпова под глазами синева?». Но запуганный Карпов отвечал, что случайно «упал и досадила об мерзлую землю». Крестьяне обратились к священнику с настоятельной просьбой о венчании. Они уверяли, что «оной жених подлинно холостой и никаких к тому бракосочетанию препятствий, и расколу, и сумнительства в святой вере не имеет». Брак обвенчали, хотя Карпов явно не имел столь далеко идущих намерений: вскоре после бракосочетания он обратился в суд с жалобой на насилие и недвусмысленные угрозы перед совершением таинства [50, л. 60].

В начале XIX в. аналогичное дело рассматривал Пудожский уездный суд. Исходя из донесения одного из местных мещан, во время посещения Нигижемского прихода ему довелось наблюдать грубые нарушения действующего законодательства и церковных правил о венчании браков. Как говорилось в протоколах суда за 1805 г., «при взятии оной невесты из дому матери ее без всякого свадебного производства приехал жених в дом невесты по вечеру с крестьянами». Жених с друзьями «стали ее, ту девку, брать и вести в церковь для венчания за оного жениха Мелентьева насильно». Невеста, «ухватя нож и боронилась от них, жениха с товарищи, и учинила у себя на руках кровавые раны». Но ее отчаянное сопротивление продолжалось недолго, «в ту ж минуту связали оную девку и бросили в сани и привезли на тот Егорьевский погост, где девка кричала: "Православные, послушайте, насильно меня венчать хотят, за которого я жениха не иду, а я имею обещание идти за другого!"». Священник, получив причитающуюся плату, оказался непреклонен: «Иван Антонов с дьяконом того прихода были уже к венчанию свадьбы готовы, и стащили прямо в церковь оную девку и затворили». Священник закрыл двери и «не пустил никого, кроме жениха и невесты, только было сторонних людей два брата Семиголовы Михайла и Федор, да попадья того попа <...> при венчании брака держали ее под руки вышесказанные два брата Семиголовы, а попадья держала венец над невестой» [28, л. 8].

Отдельные случаи нарушения установленного законодательством порядка заключения брака в XIX в. стали значительно реже. В то же время материалы делопроизводства показывают, что конфликтов избежать не удавалось. В 1812 г. консистория разбирала дело о «повенчании крестьянского сына в несовершеннолетних годах с возрастной девицею». Кижские священники, зная о возрасте жениха, тем не менее, приступили к совершению таинства. Они действовали «ни по чему иному, как токмо по просьбе женихова отца Тита Родионова и невестинной матери крестьянской жены Акулины Ерофеевой». Последние объяснили священникам необходимость совершения таинства сугубо практическими причинами: «представили необходимую надобность в крестьянской работе и домашней экономии». Как видно из обстоятельств дела, священники обвенчали молодых «не из корыстолюбия, а единственно по неотступной просьбе обвенчанных и обрученных родителей и родственников и других сторонних крестьян». Пока рассматривалось дело, незаконный жених «пришел в совершенный возраст» и «объявил желание» жить со своей супругой. Но она, «по причине делаемых отцом и матерью ево несносных побой и мучений, двумя прошениями отказывалась от супружеского впредь с ним сожития». В итоге брак объявили недействительным, а повенчанная кижскими священниками пара стала «друг от друга свободными» [37, л. 3-3 об.]. В 1879 г. один из крестьян Вытегорского уезда похитил местную девушку с намерением «обвенчаться с нею, хотя и против ее желания». Венчание не удалось совершить из-за вмешательства местной полиции [25, с. 99]. Судя по полицейским документам, каргопольские обыватели регулярно проявляли склонность к «насильственному овладению девок для супружества и для работ» [21, л. 312].

«Невольное обвенчание» существовало и на рубеже XIX – XX вв. Сохранились свидетельства о «суевериях», неразрывно связанных с принудительным венчанием, и заметно огорчивших духовенство, которое не могло искоренить народные обычаи, весьма слабо согласующиеся с православными представлениями о браке. В 1900 г. съезд благочинных

Олонецкой епархии обращал внимание на недопустимые нарушения при исполнении таинства брака. Во-первых, благочинные указывали на «древнеязыческий, противный церковным канонам и законам гражданским обычай», в соответствии с которым осуществлялись похищения невест прямо на улицах городов. Похитители не всегда действовали с согласия невесты и с ведома ее родителей. Во-вторых, нередко браки заключались без родительского благословения. Съезд предписывал священникам «таких браков решительно не венчать и всюю силою пастырского слова убеждать прихожан оставить такой дикий и совершенно не согласный с духом святой Православной веры и законом гражданским обычай» [11, с. 258].

Различие во взглядах на два таинства – исповедь и венчание – бросается в глаза. В чем причина? «В народе заключение брака ничем существенно не отличается от заключения договора вообще, – пишет А.Я. Ефименко, – брак, по способу своего заключения, есть частный вид договора» [8, с. 9]. Такое суждение многое позволяет объяснить, но и само оно, в свою очередь, нуждается в комментариях. Диаметральное противоположное отношение к венчанию, с одной стороны, и к исповеди – с другой, могло возникнуть только при сугубо практическом отношении к церковным таинствам: венчание скрепляло договор, а исповедь – нет. Нельзя игнорировать и другое обстоятельство. Признание венчания необходимым элементом семейной обрядности свидетельствует о важной роли таинств Православной Церкви. Другое дело, что прихожане не воспринимали таинства как равнозначные. В конечном итоге, именно практический подход ко всем церковным установлениям со стороны прихожан в сочетании с достаточно жестким контролем как со стороны священника, так и со стороны самих верующих, обусловили значимость венчания в их жизни.

Список литературы:

1. Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1860. 256 с.
2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
3. Васев И.Н., Синкин К.А. Оформление брачного союза согласно обычному праву русской крестьянской общины в XIX в. // Право и политика. 2018. № 2. С. 60-67.
4. Власов А.Н. Чин венчания в системе севернорусской свадьбы (принципы гештальтпсихологии традиционной памяти) // Словесность и история. 2020. № 2. С. 48-63.
5. Доношение крестьян Кондопожской волости // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 2.
6. Дополнение к делу об обращении в старообрядчество крестьянина Семена Антонова и жены его Степаниды Васильевой // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30/257. Л. 2.
7. Допрос, отбираемый перед посвящением во священника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 49/60. Л. 6.
8. Ефименко А.Я. Народные юридические воззрения на брак // Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М.: Изд-во В.И. Касперова, 1884. С. 3-48.
9. Журнал Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 68/12. Л. 1-42.
10. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов): С историческими примечаниями и приложениями: Справочная книга. СПб.: Синодальная типография, 1883. VI, IV, 365 с.
11. Из постановления благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 258.

12. Извлечения из свода законов // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Университетская тип., 1901. С. 210-278.

13. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.

14. Казанский К.И. О расколе в Троицком приходе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 3. С. 91-96.

15. Климов Н. Постановления по делам Православной Церкви и духовенства в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1902. [2], 139 с.

16. Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год. Петрозаводск: Губернская тип., 1912. 26 с.

17. Кондаков Ю.Е. Государство и Православная Церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX в. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. 360 с.

18. О дозволении совершеннолетних дочерей раскольников присоединять к святой церкви и венчать с православными и без согласия на то родителей первых из них // Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1860. Кн. 2. С. 314-315.

19. О том, каким наказаниям следовало бы подвергать по церковным правилам раскольников за безбрачное сожитие их с православными и иноверцами (сентябрь 1856 г.) // Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1860. Кн. 2. С. 683-686.

20. Отчет благочинного 2 округа Лодейнопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 147.

21. Отчет каргопольского земского исправника за 1848 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34/568. Л. 312.

22. Отчет повенецкого земского исправника за 1848 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9/32. Л. 478.
23. Павлов А. 50-ая глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М.: Университетская тип., 1887. 452 с.
24. Постановление собора выгорецких общежителей // Отдел рукописей библиотеки Российской академии наук. Собрание Каликина. Д. 76. Л. 1-35.
25. Похищение невесты // Олонецкие губернские ведомости. 1879. № 9. С. 99.
26. Промемория Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 584. Оп. 3. Д. 80/1145. Л. 3.
27. Промемория Паданской нижней расправы // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 652. Оп. 2. Д. 1/6. Л. 1.
28. Протокол заседаний Пудожского уездного суда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 1. Д. 27/219. Л. 8.
29. Протокол заседаний Олонецкого земского суда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 9. Оп. 1. Д. 337/3284. Л. 27.
30. Прошение дьякона Устьмошского прихода Николая Лебедева в Олонецкую духовную консисторию // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 73. Д. 55. Л. 33-45.
31. Прошение крестьян Видлицкого прихода о нарушениях по службе священника Матфеева // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 60. Д. 203. Л. 15.
32. Прошение крестьян Нигижемского прихода // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 76. Д. 20. Л. 2.
33. Рапорт епархиального миссионера за 1900 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 8.
34. Рапорт благочинного в Петрозаводское духовное правление о крестьянском сыне Ефиме Иванове // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 77. Д. 371. Л. 1-6.

35. Рапорт благочинного Повенецкого уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 93/2016. Л. 3.

36. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1866. Т. 1. 602 с.

37. Следственное дело Олонецкой духовной консистории о незаконном венчании // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 1–25.

38. Сурхаско Ю.Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности конца XIX – начала XX в.) // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 260-271.

39. Указ Олонецкой духовной консистории архимандриту Александро-Свирского монастыря Варлааму // Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 3. Оп. 1. Картон 29. Д. 6. Л. 15.

40. Указ Олонецкой духовной консистории о наказании крестьян, обманувших священника при опросе перед заключением брака // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 15/330. Л. 29.

41. Указ Олонецкой духовной консистории о прихожанах Лоянского прихода // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 62. Д. 70. Л. 7.

42. Указ Петрозаводского духовного правления // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 77. Д. 371. Л. 1–6.

43. Указ Сената «Об определении платы священно- и церковнослужителям за духовные требы» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского величества канцелярии. 1830. Т. 17. № 12 378. С. 117.

44. Указ Сената «Об уничтожении венечных памятней и денежного сбора с оных и о произведении обысков прежде венчания вступающих в брак» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго

отделения Собственной Его императорского величества канцелярии. 1830. Т. 17. № 12 433. С. 189.

45. Указ Синода «О воспрещении священно- и церковнослужителям писать разводные письма» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского величества канцелярии. 1830. Т. 18. № 12 935. С. 171.

46. Указ Синода «О мерах к отвращению незаконного сочетания браков» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского величества канцелярии. 1830. Т. 20. № 14 356. С. 196-198.

47. Указ Синода «Об оставлении в силе браков раскольников, повенчанных в православной церкви и оставшихся после венчания в расколе» // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Пг.: Синодальная типография, 1915. Т. 1. № 425. С. 599.

48. Указ Синода «О подтверждении священникам, чтобы они никого в часовнях не венчали» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского величества канцелярии. 1830. Т. 18. № 13 334. С. 969.

49. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Университетская типография, 1901. С. 5-64.

50. Экстракт, учиненный в Олонецкой духовной консистории // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 60. Д. 247. Л. 60.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления

Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.